

© 2015 г.

Е.Ю. ГУСЬКОВА

ТРУДНОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ: КАК ОСТАНАВЛИВАЛИ БОМБЕЖКИ В ЮГОСЛАВИИ В 1999 году

НАТО напала на Югославию без объявления войны 24 марта 1999 г. Этому предшествовали попытки США и НАТО придать операции законный вид, но в Совете Безопасности (СБ) этим планам воспротивилась Россия. Тогда Вашингтон принял решение бомбить Югославию (Сербию и Черногорию) без одобрения международных организаций. Госсекретарь США Мадлен Олбрайт пишет в своих мемуарах, что главной задачей было убедить союзников в жестокости сербов в отношении албанцев Косова, в безнаказанности президента Слободана Милошевича¹. На самом деле перед НАТО ставились задачи разрушить основу военно-экономического потенциала Югославии, подорвать моральный дух населения и вызвать бунт против руководства страны. Кроме того, уже тогда планировалось продолжить дробление Югославии, изолировать (отделить) Косово от Сербии. У Альянса были и свои чисто военные цели: опробовать новое высокоточное оружие, испытать новые авиационные системы и образцы вооружения, отработать тактику их боевого применения, организовать взаимодействие разнородных сил, привлекаемых к операции, а также израсходовать накопившееся устаревающее оружие. Позже командующий НАТО в Европе В. Кларк признавался, что США давно планировали нападение на Югославию, что слом “позвоночника” Сербии являлся одной из приоритетных целей Америки, что бомбардировка Югославии “была исключительно американским планом”².

Особенностью военных действий было то, что вторжение сухопутных войск не планировалось, а главная роль отводилась авиации, которая становилась мощным и эффективным средством “наказания” Югославии.

Агрессия длилась 78 дней, в операции участвовали 19 стран, атакам подвергалась вся территория Югославии. На авиабазах Италии были дислоцированы около 430 самолетов. Через два месяца авиационная группировка НАТО составила 1260 самолетов³. Боевые самолеты совершили, по натовским данным, 35 тыс. вылетов и нанесли 2 тыс. 300 воздушных ударов по 995 объектам. По территории Югославии было выпущено более 3 тыс. крылатых ракет, сброшено около 25 тыс. (по некоторым данным – 79 тыс.) тонн взрывчатки⁴. Самолеты и крылатые ракеты поражали военные и гражданские

Гуськова Елена Юрьевна – доктор исторических наук, руководитель Центра по изучению современного балканского кризиса Института славяноведения РАН, академик Сербской академии наук и искусств.

¹ Олбрайт М. Госпожа госсекретарь. Мемуары. М., 2004, с. 511.

² Цит. по: Борђевић Ђ.А. Косметска голгота преваре НАТО пакта и Америке. Нови Сад, 2007, с. 104.

³ Маначинский А. Югославия: приговор вынесен. Киев, 2005, с. 160.

⁴ Югославия на пороге 2000 года: документы, факты, свидетельства, мнения. М., 1999, с. 144; Преступления НАТО в Югославии. Документальные свидетельства. Т. 1. 24 марта – 24 апреля 1999. М. – Белград, 1999, с. XI; Документ ООН E/1999/98; Шурыгин В. Урок агрессору. – Завтра, 2000, № 19 (336), с. 4; ИТАР – ТАСС, 16.VI. 1999. – www.tass.ru.

объекты, выводили из строя югославскую армию, разрушали мосты и дороги. Всего были уничтожены 22 и повреждены 12 мостов, стерты с лица земли около 50 фабрик и заводов, повреждены 8 электростанций, 7 железнодорожных вокзалов, 6 аэродромов, выведены из строя или разрушены 20 телетрансляторов, большое количество теле- и радиовещательных станций. Полностью оказались уничтоженными несколько тысяч квартир и частных домов, 3 телецентра, 17 больниц, 35 факультетов, 2 тыс. школ. В результате разрушения заводов и фабрик более полумиллиона граждан лишились работы, 2 млн остались без основных средств существования⁵. Страна понесла огромный материальный ущерб. Но самое трагичное состояло в том, что погибли около 2 тыс. гражданских лиц, около 7 тыс. получили ранения, 30% из них – дети.

Официальная Европа реагировала на агрессию достаточно спокойно. Это объяснялось тем, что США стремились обеспечить информационную поддержку агрессии НАТО против Югославии, упорно внедряя в умы тезис о гуманных целях операции, безальтернативности бомбовых ударов, заботе о мирном населении. Против военных планов НАТО решительно выступала только Россия, которая настаивала на решении конфликта мирными политическими средствами. Важно подчеркнуть, что общественное мнение России было на стороне сербов. По словам Е.М. Примакова, “это было настоящим потрясением для России. Все российские политические силы без исключения выступили против развязанной НАТО войны”⁶. По стране прокатились манифестации в поддержку сербского и черногорского народов, в Москве посольства крупнейших стран – членов НАТО находились в осаде демонстрантов. США не ожидали такой реакции России на балканскую операцию. Им нужна была другая Россия – инструмент давления на югославское руководство, тем более что блицкрига на Балканах не получилось. Бомбы падали на Югославию, а армия и народ не сдавались. Олбрайт смотрела на отношения с Россией с практической точки зрения, понимая, что только Россия может стать тем ключом, который откроет “сербскую дверь”. Госсекретарь «выступала за использование принципа “двойного магнита”, который сначала приблизил бы Россию к позиции НАТО, а затем связал Белград с Россией”⁷. Поэтому для Вашингтона было очень важно привлечь Москву к внеблоковой дипломатии, к участию в работе узкой группы по урегулированию “балканской проблемы”. Действительно, именно эта “группа”, где главную скрипку играл представитель США, стала основой и движущей силой переговорного процесса с президентом Югославии Милошевичем, вынужденным принять в июне 1999 г. ультиматум НАТО.

Анализировать события переговорного процесса в апреле – июне 1999 г. сегодня представляется вполне возможным, поскольку почти все участники тех событий написали мемуары. Очень подробно, эмоционально и образно описывает события тех дней представитель США на переговорах – первый заместитель госсекретаря С. Тэлботт⁸. Его начальница Олбрайт, хотя и принимала участие лишь в отдельных переговорах, была в курсе всех событий, участвовала во всех совещаниях, связанных с Косовом, и в своих мемуарах предстает как главный организатор всех действий США на Балканах⁹. Огромную книгу издал Б. Клинтон. В ней также можно найти интересные “балканские сюжеты” 1998 – 1999 гг.¹⁰ В 2008 г. появились воспоминания шефа миссии Югославии при ООН Владислава Йовановича¹¹. Министр иностранных дел Югославии Живадин Йованович рассказал автору этих строк о своем видении переговорного процесса, в котором участвовал. Запись беседы с ним является важным источником для анализа переговорного процесса¹².

⁵ Югославия на пороге 2000 года, с. 144.

⁶ Примаков Е.М. Годы в большой политике. М., 1999, с. 357.

⁷ Олбрайт М. Указ. соч., с. 536.

⁸ Тэлботт С. Билл и Борис: записки о президентской дипломатии. М., 2003.

⁹ Олбрайт М. Указ. соч.

¹⁰ Клинтон Б. Моя жизнь. М., 2005.

¹¹ Jovanović V. Rat koji se mogao izbēci (U vrtlogu jugoslovenske krize). Beograd, 2008.

¹² Запись разговора Е.Ю. Гуськовой с Живадином Йовановичем 24 марта 2004 г.

Два главных переговорщика – Мартти Ахтисаари¹³ и В.С. Черномырдин¹⁴ – по свежим следам также опубликовали воспоминания о тех днях. Книга Черномырдина претендует на широкое освещение кризиса в Югославии, являясь ценнейшим источником, который позволяет понять и прочувствовать не только атмосферу переговорного процесса, но и взаимоотношения всех его участников. Нам крайне интересен раздел книги о работе переговорной группы – ведь этот материал можно сравнить с описанием тех же событий Тэлботтом и Ахтисаари. Сравнивая источники, приходим к выводу, что Черномырдин слишком приукрашивает собственную роль, часто замалчивая или даже искажая факты. Очень важными стали воспоминания генерал-полковника Л.Г. Ивашова, непосредственного участника переговоров, во многом разработчика русских планов урегулирования и их активного защитника¹⁵. Не остался в стороне и российский министр иностранных дел И.С. Иванов, собравший в одной книге свои статьи и выступления¹⁶. Подробными, аналитическими и объективными нам представляются три книги мемуаров Е.М. Примакова, в эти годы занимавшего очень серьезные должности министра иностранных дел и премьер-министра¹⁷. Таким образом, мы располагаем достоверными источниками для исследования переговорного процесса в Югославии в апреле – июне 1999 г. при непосредственном участии России. Внутренняя логика событий принуждения к миру под падающими бомбами и механизмы развития этих событий мало кому известны. Попробуем разобраться в политических хитросплетениях тех дней.

Чтобы достичь поставленной цели, натовцам надо было заставить обиженного и упрямого Милошевича подчиниться требованиям НАТО, подписать капитуляцию и позволить войскам Альянса войти на территорию Югославии. Без представителя России Белград отказывался вести какие-либо переговоры.

Американцам, затеявшим игру в урегулирование, в команде обязательно нужен был русский, так как только через него переговоры с Милошевичем могли стать эффективнее. Но требовался не любой русский, а сговорчивый с коллегами и твердый с сербами человек. Выбор Вашингтона пал на Черномырдина. Бывшего премьер-министра хорошо знали в США по работе комиссии “Гор – Черномырдин”, считали комиссию “жизненно важным каналом связи”¹⁸. 14 апреля 1999 г. президент России назначил Черномырдина своим представителем по урегулированию кризиса в Югославии. Газета “Коммерсантъ” писала: “Это не только свидетельство недовольства Ельцина балканской политикой правительства и МИДа. Президент дал понять, что намерен покончить с курсом на конфронтацию с Западом”¹⁹. Косвенно в своей книге Черномырдин подтверждает, что Клинтон звонил Ельцину и просил назначить именно Виктора Степановича, поскольку с Милошевичем якобы уже никто не может разговаривать. По словам Черномырдина, американцы нуждались в посредничестве России и “лично Билл Клинтон вышел на Бориса Николаевича Ельцина с такой просьбой”²⁰. Выбор внешнеполитических партнеров России был не случайным. В Институте психоанализа и ментальных исследований США кандидатуру Черномырдина давно изучили и охарактеризовали следующим образом: коэффициент интеллекта выше среднего уровня, властолюбив, при необходимости может быть добрым и терпеливым переговорщи-

¹³ *Ahtisari M.* Misija u Beogradu. Beograd, 2001.

¹⁴ *Черномырдин В.С.* Вызов. М., 2003.

¹⁵ *Ивашов Л.Г.* Косовский кризис 1999 года. Бросок на Приштину. – Новая и новейшая история, 2004, № 5; Кремлевские интриги вокруг Косово. – РИА-НОВОСТИ, 18. VI. 2003.

¹⁶ *Иванов И.* Внешняя политика России в эпоху глобализации. М., 2002.

¹⁷ *Примаков Е.М.* Годы в большой политике; *его же.* Восемь месяцев плюс. М., 2001; *его же.* Мир после 11 сентября и вторжения в Ирак. Екатеринбург, 2003.

¹⁸ *Тэлботт С.* Указ. соч., с. 315.

¹⁹ Наш человек в Косове: Ельцин назначил Черномырдина параллельным премьером. – Коммерсантъ, 15. IV.1999, с. 1.

²⁰ *Черномырдин В.С.* Указ. соч., с. 206.

ком, уважает приказания, корыстолюбив, настоящий дипломат, если надо, может вести себя грубо²¹. Как показали последующие события, в Викторе Степановиче западных коллег привлекли прежде всего властолюбие и корыстолюбие, что американцы и использовали в полной мере.

Думается, что Черномырдин лукавит, когда говорит, что американцы очень рисковали при выборе его кандидатуры – якобы из-за его крутого нрава. На самом деле рисковала Россия, так как ее руками сербов заставили капитулировать на унижительных условиях. Именно такой эта ситуация и останется в истории.

Назначение Черномырдина представителем президента по урегулированию ситуации вокруг Югославии означало отнесение профессиональной дипломатии на второй план и показало Америке, что Россия не будет противостоять планам НАТО. Как писал Тэлботт, “решение показалось совершенно объяснимым. Ельцин хотел, чтобы война закончилась, а России при этом досталось как можно больше чести”²².

Кризис на Балканах показывает, что американцы прибегали к сотрудничеству с Россией только тогда, когда им надо было “оказать давление” на сербов, заставить тех в очередной раз пойти на уступки. Однако с назначением Е.М. Примакова на должность премьер-министра в сентябре 1998 г. русские “неожиданно пошли в яростное дипломатическое наступление, стараясь отвести натовские бомбардировки”, вспоминал Тэлботт²³. Однако американская дипломатия не отчаивалась, уверенная в правильности курса на принуждение руководства Югославии к миру на условиях НАТО с помощью Москвы.

После ознакомления с проблемой и наставлений президента Ельцина Черномырдин сформулировал для себя приоритетные цели переговоров. Первой он считал задачу “не допустить втягивания России в военные действия”, вторую же видел в “сохранении целостности Югославии”. Остальные задачи касались переговорного процесса и проистекали из прямых указаний президента: осуждать агрессию, соблюдать Устав ООН, международное право, добиваться широкой автономии для Косова в границах Югославии. Всё правильно. Но был еще один очень важный наказ, о котором Виктор Степанович почему-то умолчал в своих воспоминаниях. Ельцин настаивал: сначала должны быть приостановлены бомбовые удары, а уже затем следует предъявлять сербам условия мира. Замалчивание этого условия связано с тем, что именно его Черномырдин и не выполнил.

Уже 22 апреля он прилетает в Белград. Первая встреча с руководством страны. Со стороны сербов – огромные надежды на Россию. Со стороны спецпредставителя Кремля – желание найти решение, которое бы привело к прекращению бомбардировок. Разговор был долгим, трудным, многочасовым. Милошевич считал представителя России союзником, с которым можно говорить откровенно. Черномырдин, хотя и перешел с Милошевичем на “ты”, вел себя с ним не как с другом, а скорее как со сложным и непредсказуемым подчиненным. Милошевич разъяснил историю вопроса, попросил оружия и помощи для своей армии. Виктор Степанович был против поставок оружия, считая это равносильным втягиванию России в войну. Повторил это многократно. Говорил резко: “Не выдавливай из меня слезу. С другими можно поплакаться, со мной не нужно, я не выступал и не выступаю в роли адвоката”. Весь разговор он сводил к одному: надо всеми способами “остановить бойню”. И постоянно призывал к компромиссу, что означало “сесть за стол переговоров”. При этом спецпредставитель доводил до сознания Милошевича, “что не может всё закончиться на сто процентов в интересах Югославии”, что надо готовиться к уступкам²⁴.

Черномырдин достаточно быстро смог убедить Милошевича в необходимости размещения миротворцев (в том числе и из стран НАТО) в Косове. Он уверял, что

²¹ Борђевић Ђ.А. Указ. соч., с. 171.

²² Тэлботт С. Указ. соч., с. 365.

²³ Там же, с. 355.

²⁴ Черномырдин В.С. Указ. соч., с. 76, 85.

“их присутствие заставит НАТО отказаться от бомбовых ударов”, а “отряды ОАК²⁵ не смогут наносить удары по миротворцам”²⁶. Это была заведомая ложь: никто не станет вводить миротворцев под бомбы, пусть даже их бросают союзники. По логике любого конфликта сначала договариваются о прекращении огня, а потом садятся за стол переговоров. Однако шансов добиться от натовцев прекращения бомбардировок у Черномырдина не было, поэтому он предлагал Милошевичу сдаться. “Выиграть войну ни при каких обстоятельствах вы не сможете”, – внушал он президенту, значит, по его мнению, надо начинать переговоры с НАТО. А за этим слышалось: нужно безоговорочно принимать ультиматум противника. Черномырдин оказывал максимальное давление на президента Югославии, так как для него важен был конкретный результат, о чем он смог бы доложить в Москве и в Вашингтоне.

В итоге Черномырдину удалось согласовать с Милошевичем семь принципов, которые могли бы лечь в основу переговорного процесса:

1. Прекращение огня и начало переговорного процесса;
2. Безопасное возвращение беженцев и перемещенных лиц;
3. Предоставление международной гуманитарной помощи;
4. Возобновление работы над обоснованием политических рамок автономии Косова;
5. Сокращение военных и полицейских сил СРЮ в крае;
6. Международное присутствие под эгидой ООН и с участием России;
7. Восстановление экономики Югославии, включая Косово²⁷.

Как видим, принципы носили достаточно общий характер и не могли вызвать негативной реакции у Милошевича. Наоборот, казалось, что удалось достичь самых благоприятных для сербов условий: нигде не упоминались отделение края, полный вывод югославских войск, присутствие миротворцев. Такое начало давало сербам ощущение безопасности, возможности закончить бомбардировки без больших для себя потерь. Они даже не обратили внимания на то, что в “основах” не заложено разоружение албанских боевиков. Черномырдин был доволен и рапортовал Ельцину о положительных результатах.

Президент России настаивал на том, чтобы условием начала переговоров стало прекращение нанесения бомбовых ударов. Однако у натовцев имелись свои требования, выработанные 23–25 апреля 1999 г. на встрече представителей НАТО в Вашингтоне: 1) полная остановка сербских военных действий в Косове; 2) вывод всех сербских сил из края; 3) ввод международных военных сил в Косово; 4) возвращение беженцев (албанцев); 5) принятие политического решения, основанного на договоре в Рамбуйе²⁸.

Фактически НАТО выставляла ультиматум: сначала вывести все сербские силы из Косова, а затем позволить войскам НАТО войти в край. И только тогда блок приостановит военные действия. Вашингтон будет настаивать на этих условиях постоянно, именно они лягут в основу требований “Группы восьми”, ультиматума Милошевичу и резолюции Совета Безопасности²⁹.

Начало переговорного процесса показало, что роль ООН в нем была сведена к минимуму. Этой мировой организации не просматривалось ни при принятии решения о начале бомбежек, ни об их окончании. Не было даже осуждающей позиции ее председателя. Как вспоминал Ахтисари, Кофи Аннан выражал недовольство тем, что бом-

²⁵ Освободительная армия Косова.

²⁶ Там же, с. 85.

²⁷ Там же, с. 86.

²⁸ В феврале – марте 1999 г. в Рамбуйе (Франция) проходили переговоры между албанской и югославской делегациями под эгидой Контактной группы. Цель – получить разрешение Югославии на ввод многотысячной группировки НАТО в Косово для осуществления так называемого плана автономии Косова и Метохии. Белград отказался подписывать договор.

²⁹ *Ahtisari M. Op. cit., s. 52–53.*

бежки начались без одобрения ООН, что создавалась какая-то переговорная группа, в которой отсутствовал представитель ООН. Но Олбрайт легко объяснила Кофи Аннани, что посредничество пройдет без ООН. Генсек ООН согласился дождаться обещанных позитивных результатов³⁰. Это означало, что он самоустранился, согласившись с ролью стороннего наблюдателя.

В конце апреля в состав российской делегации для переговоров об урегулировании югославского кризиса включили представителя Министерства обороны генерал-полковника Л.Г. Ивашова. Леонид Григорьевич приступил к работе с четким планом: “нужно держать нашу российскую позицию”, т.е. отстаивать российские интересы и помочь сербам.

27 апреля 1999 г. Тэлботт прилетел в Москву, чтобы узнать у Черномырдина о результатах переговоров с Милошевичем. В мидовском особняке на Спиридоновке впервые встретились военные и гражданские представители США и России. Виктор Степанович сделал подробный отчет о своем визите в Белград и подтвердил, что никогда не пойдет на поводу у Милошевича. Говоря об отношениях России с США, он был предельно откровенен: “Для меня наши отношения святы, и никто не должен вбивать между нашими странами клин”³¹. Обсуждали и способы давления на Милошевича. У Черномырдина всё было продумано. Он разработал систему “воздействия” на Милошевича “через различные югославские компании, в особенности в энергетике”, которые субсидируют президента. Нам известно также, что Черномырдин пытался оказывать давление на супругу Милошевича Миру Маркович и искал в Москве и Белграде людей, которые могли бы ее запугать.

Оставшись в общем довольным миссией Черномырдина, Тэлботт, тем не менее, признал договоренности с Милошевичем недостаточными. Тэлботт был тверд. Хотя Черномырдин особенно сильно возражал против требования полностью вывести сербские силы из Косова, Тэлботт отказался обсуждать возможность изменения натовских условий прекращения бомбардировок. Он прекрасно понимал, что рано или поздно Черномырдину придется согласиться с условиями НАТО.

Встречи в Москве после первых переговорных дней должны были, кроме всего прочего, показать американцам, изменилась ли позиция России после того, как Черномырдин приступил к исполнению своих обязанностей. 29 апреля Тэлботт докладывал в Совете НАТО об итогах встреч в России. Видимо, перспективы выглядели для него вполне приемлемыми, так как даже журналистам он заявил, что Россия разделяет цели международного сообщества в решении конфликта на Балканах и установлении там мира и стабильности. От России ожидают, подчеркнул Тэлботт, что она, используя свое влияние, сможет убедить Белград в необходимости принять условия НАТО³². Таким образом, от своих требований американцы не отступили ни на йоту. Идти на попятную пришлось Черномырдину, причем по каждому согласованному с Милошевичем пункту.

Вторая встреча российской делегации с руководством Югославии состоялась в Белграде 30 апреля. Ивашову югославский лидер запомнился собранным, уверенным в себе, прочно держащим в руках нити управления страной и ее обороной, а Черномырдину – нервным, не владеющим своими эмоциями. Милошевич продолжал принимать посредничество Черномырдина с оптимизмом, с надеждой на скорейшее окончание бомбежек и благоприятную для сербов ситуацию. Поэтому он говорил с российской делегацией откровенно и обстоятельно – о внутривнутриполитической ситуации, военной активности, провокациях и терактах албанских боевиков, называл координаты базовых лагерей, в которых сосредоточивались боевики, приводил конкретные примеры транспортировки наркотиков. Военные слушали очень внимательно, а Черномырдин на эти сюжеты не интересовался. Он предпочитал говорить сам. Говорил много, но

³⁰ Ibid., s. 57.

³¹ Тэлботт С. Указ. соч., с. 369.

³² Минеев А. Информация. – ИТАР – ТАСС, 29.IV.1999.

невнятно, пытался играть роль “своего парня”, простоватого, но справедливого, не поддерживающего ни одну из сторон. “В чем-то стоял на позиции Белграда, а в чем-то хоть и не одобрял действия НАТО, но относился к ним с пониманием”, – вспоминал генерал Ивашов³³. Черномырдин все время уговаривал Милошевича действовать гибче, скорее садиться за стол переговоров: “Слободан, ты что хочешь, чтобы страну разбомбили?”.

Милошевич соглашался на уступки, однако настаивал на том, что Косово должно остаться неотъемлемой частью Югославии, а если конкретнее – Сербии. Он уверял, что краю будет предоставлена широкая автономия. Виктор Степанович избегал глубокой проработки условий прекращения боевых действий. Милошевич требовал, чтобы в Косово с миротворческой миссией не входили натовцы. Его аргументы были логичными: “Когда две стороны ищут примирения, одна из них никак не может быть арбитром в конфликте”. Черномырдин же добивался того, чтобы любыми способами прекратить бомбардировки. Милошевич упорствовал, тогда Черномырдин сорвался: “Договариваемся о конкретных шагах и добиваемся прекращения бомбардировок или расходимся и полагаемся только на Господа Бога!”³⁴

В этих встречах принимал участие и министр иностранных дел Югославии Йованович. Он вспоминал: “Черномырдин держался холодно и собранно, не влезал ни в какую полемику, слишком часто повторял, что Россия хочет только помочь... Но на каждую новую встречу Черномырдин приезжал с повышенными требованиями и забывал, о чем договорились в предыдущий раз. И снова повторял, что это хорошо для Сербии, что Россия гарантирует и что всё будет хорошо. Для него главным было, чтобы его миссия была успешной... По моему глубокому убеждению, он был инструментом Запада для осуществления давления на Югославию. И он это делал, прикрываясь своим русским происхождением и именем России”³⁵.

На этот раз в результате 10-часовых переговоров президент СРЮ Слободан Милошевич и специальный представитель президента России Виктор Черномырдин подписали документ о незамедлительном прекращении всех военных действий, окончании бомбардировок и начале вывода военных и полицейских сил СРЮ из Косова, возвращении всех беженцев и перемещенных лиц, переговорах о международном присутствии в Косове под эгидой ООН. В ночь на 1 мая Черномырдин возвратился в Москву. Он доложил президенту России об итогах поездки в Белград, а также о результатах состоявшихся ранее переговоров в Бонне и Риме. Ельцин одобрил деятельность своего представителя и направил его в Вашингтон договариваться уже с американской стороной.

В мае бомбардировки усилились – это должно было оказать на несговорчивых сербов и силовое давление. Американцы, уверенные, что им удастся добить Милошевича с помощью Черномырдина, составляли ультиматум победителей. Тэлботт цинично пишет, что их требованием стала “более мощная версия того, что мы пытались скормить Милошевичу в Рамбуйе. Косово в глазах международного законодательства, оставаясь в составе Югославии, на все обозримое будущее становится протекторатом ООН, подкрепленным силами НАТО. Это означает вывод сербских войск из провинции, развертывание миротворческих сил под командованием Блока и возвращение беженцев и перемещенных лиц домой”³⁶. Таким образом, три главных требования к Милошевичу оставались неизменными: сербские силы уходят из Косова, войска НАТО приходят, албанцы возвращаются.

В Вашингтон Черномырдин вылетел в начале мая. Разговор с чопорным Альбертом Гором был малопродуктивным. Черномырдин привез письмо от Ельцина, в котором предлагалось объявить о прекращении огня и допустить участие Кофи Аннана в

³³ Ивашов Л.Г. Указ. соч., с. 93.

³⁴ Черномырдин В.С. Указ. соч., с. 108.

³⁵ Запись разговора Е.Ю. Гуськовой с Живадином Йовановичем 24 марта 2004 г.

³⁶ Тэлботт С. Указ. соч., с. 364.

последней фазе урегулирования конфликта. Исполнение достигнутой договоренности обеспечивалось бы ООН. На предложение Москвы президент Клинтон ответил, что США не допустят, чтобы ООН вела переговоры от лица НАТО³⁷. Трудности бесед в Вашингтоне заставили Черномырдина внести предложение – найти “международную фигуру”, с которой он мог бы работать в тандеме, того, кто, по его выражению, “мог бы принять от Милошевича меч в знак капитуляции”. Сам он, заявил Черномырдин, подобную роль играть не может, поскольку не переживет политической реакции дома. А с новым партнером и представителем США они составят “тройку, которая заставит Милошевича покориться”³⁸. Здесь следует заметить, что Черномырдин прекрасно понимал пагубность своей роли: его позиция вызвала бы крайне негативную реакцию населения России. Но он продолжал играть эту роль. Для этого должны были быть веские причины...

Поиск третьего продолжался недолго. Тэлботт понимал, что предстоит найти государственного деятеля, не связанного с НАТО, но согласного с блоком касательно тех условий, которые должен принять Милошевич³⁹. Олбрайт предложила ввести в намечаемую тройку известного финского политика Мартти Ахтисаари. Черномырдину идея понравилась. Финляндия, как он выразился, “всегда вела себя уважительно по отношению к России”, а у самого Ахтисаари “прекрасные отношения с Ельциным”⁴⁰. Внешне создавалось впечатление некоей объективности: урегулировать противостояние Милошевича и НАТО будут представители Финляндии и России. Американцы даже придумали этому тандему название – “Молот и Наковальня”: Черномырдин будет “молотить” по Милошевичу, а Ахтисаари разыграет поддержку так, что Милошевич вынужден будет принять условия НАТО.

Ахтисаари слыл знатоком Балкан и происходил из страны, никогда не участвовавшей в балканских исторических перипетиях. Внешне человек мягкий, он отличался резкостью высказываний и принимал на веру всё, что ему “сервировали” в Вашингтоне. Из воспоминаний американских участников переговоров выходит, что фигура Ахтисаари возникла случайно. Однако это не так. В США выбрали человека, чей психологический портрет также был составлен в Институте психоанализа и ментальных исследований. Мартти Ахтисаари – потомок офицера СС подразделения “Викинг”, одного из самых жестоких на русском фронте. В анализе отмечалось: умственные способности ограничены, максимально уязвимый, склонен к малодушию, бессовестный, неразборчивый в средствах, энергичный и пристрастный в переговорах, корыстолюбивый⁴¹.

Разговаривая с Клинтоном, Виктор Степанович подметил одну интересную деталь: когда Вашингтон разрабатывал планы по Косову и Югославии, расставлял политические фигуры и даже планировал действия НАТО, он ни с кем не советовался. “Какие советы, зачем? Как скажем, так и будет”, – разъяснил ситуацию Тэлботт⁴². Общаясь с руководителями других стран, в частности Франции и Германии, Черномырдин видел, что они вообще не в курсе многих балканских вопросов. По всем направлениям преимущество было на стороне США – их лидерство не имело конкурентов. Клинтон убеждал, что с Милошевичем надо говорить только на языке силы и что тот может рассчитывать лишь на капитуляцию⁴³.

В начале мая свою лепту в урегулирование чисто формально внесла и “Восьмерка”. 6 мая 1999 г. в Бонне состоялось заседание министров иностранных дел “Большой восьмерки” для выработки принципов урегулирования косовской проблемы. Разра-

³⁷ Олбрайт М. Указ. соч., с. 540.

³⁸ Тэлботт С. Указ. соч., с. 371.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же, с. 371–372.

⁴¹ Цит. по: Борђевић Ђ.А. Указ. соч., с. 170.

⁴² Черномырдин В.С. Указ. соч., с. 122.

⁴³ Там же, с. 113.

ботанные подходы позже легли в основу решения Совета Безопасности. В документе не говорилось о прекращении бомбардировок Югославии, а вина за них фактически возлагалась на руководство страны, от которого требовали прекратить насилие и репрессии в крае⁴⁴.

После такой важной международной встречи и не менее значимых решений НАТО стала наращивать силу ударов по Югославии. Использовались даже запрещенные касетные бомбы и бомбы с графитовыми наконечниками. Разрушив инфраструктуру страны, натовские самолеты начали позволять себе и дневные налеты. Это должно было показать Белграду, что он не может рассчитывать на снисхождение.

В это же время Верховное командование СР Югославии приняло решение начать 9 мая частичное возвращение из Косова и Метохии единиц вооруженных сил и полиции⁴⁵. Позже в своей книге Виктор Степанович неохотно напишет об односторонних действиях Белграда: такая инициатива только запутала ситуацию. Черномырдин не был уверен в ответных действиях НАТО⁴⁶. Он пытался говорить об этом с Тэлботтом, хотел узнать, можно ли оставить какое-то количество войск ЮНА в Косове. Ответа Тэлботта Черномырдин не приводит. Зато об этом пишет сам Тэлботт. Ответ был кратким: “Ноль”, – т.е. полный вывод войск и выполнение всех условий НАТО.

13 мая Тэлботт и Черномырдин вылетели в Финляндию на переговоры с Ахтисаари. Три переговорщика впервые собрались вместе в Хельсинки. Ахтисаари безоговорочно поддержал требования США о полном выводе сербских войск и вводе подразделений НАТО “как ядра” миротворческого контингента⁴⁷. Содержание бесед показывает, что позиции России, с одной стороны, США и НАТО – с другой, кардинально расходились. При этом Ахтисаари и Тэлботт были в одной команде. Их задача состояла в том, чтобы максимально приблизить позицию Москвы к натовской. Одновременно нельзя было дать Москве повод выйти из этого процесса, поэтому Олбрайт звонила министру иностранных дел России И.С. Иванову и убеждала его в том, что Америка заинтересована в продолжении мирного процесса с участием России⁴⁸.

При таком раскладе сил успех предприятия зависел от поддержки международных структур и мировых лидеров. Много времени и Тэлботт, и Ахтисаари тратили на то, чтобы разъяснить позицию вновь сформированной “тройки”, заручиться поддержкой ведущих политических лидеров. Они встречались или разговаривали по телефону с Кофи Аннаном, генсеком ООН, с руководством ЕС, лидерами Англии, Франции, Канады, Германии, Италии, Испании, Греции и других стран, упорно заручались поддержкой своих действий. При этом Ахтисаари часто повторял, что Югославия на переговорах не имеет права требовать к себе равноправного отношения⁴⁹.

Положение Милошевича было не из легких. Ему выставили ультиматум, не реагировали на его уступки и встречные шаги, демонстрирующие гибкость и добрую волю. Сфера его деятельности была ограничена, защитников не находилось, международные организации молчали, устранившись от участия в урегулировании конфликта. Слабая надежда оставалась на Международный суд ООН в Гааге, куда Югославия и обратилась с требованием привлечь к ответственности тех, кто развязал необъявленную войну против СРЮ. Иски были приняты. Но в ответ Милошевич получил пощечину: составление ЕС списка из 300 югославских руководителей, которым запрещался въезд на территорию 15 государств, замораживание счетов и недвижимости СРЮ за

⁴⁴ Письмо Постоянного представителя Германии при Организации Объединенных Наций от 6 мая 1999 года на имя Председателя Совета Безопасности. Приложение. – Документ Совета Безопасности S/1999/516, 6 мая 1999.

⁴⁵ Сообщение Верховного командования. – Посольство Союзной Республики Югославии в Москве. Информационный бюллетень, № 75, 10.V.1999.

⁴⁶ Черномырдин В.С. Указ. соч., с. 156.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Ahtisari M. Op. cit., s. 80 – 81.

⁴⁹ Ibid., s. 97.

рубежом. Список возглавляли сам Милошевич и вся его семья. Кроме того, Международный трибунал по бывшей Югославии выдал ордер на арест Милошевича по обвинению его в преступлениях как раз в Косове. Чтобы давление приобрело законченную форму, США пошли на усиление наносимых ударов. Они уничтожали военную технику, железнодорожные ветки, шоссейные дороги, мосты, сбрасывали бомбы на жилые кварталы, больницы, колонны беженцев. Увеличились жертвы среди мирного населения.

Ехать Черномырдину в Белград на намеченную на 28 мая встречу было не с чем. Единственное, чем он мог порадовать Милошевича, так это тем, что “процесс входит в рамки ООН”, а значит, окончательное решение будет за Советом Безопасности. Но Милошевича эти аргументы уже не убеждали: “Если это так, то почему они не позволяют дипломатам из ООН вести диалог с югославской стороной напрямую?”⁵⁰ Он справедливо полагал, что ООН является лишь дымовой завесой для США и НАТО. Даже более резкий тон российского представителя не мог изменить позицию Милошевича. Президент Югославии отвечал, что согласен на переговоры, но не готов капитулировать. Черномырдин попытался склонить на свою сторону и генерала Ивашова, однако тот отказывался “воздействовать” на югославских военных, считая, что страна имеет право защищать свою территорию.

Ельцин не очень вникал в содержание договоренностей, его устраивали доклады спецпредставителя, тем не менее он не устал повторять о важности роли России в миротворчестве и об определенном статусе российского контингента. Президент уверял, что будет лично контролировать этот вопрос. При этом он торопил Черномырдина и настаивал на ускорении завершения переговорного процесса, на более сжатых сроках работы по согласованию предложений.

По мнению Черномырдина, причиной спешки стали экономическое давление Запада, переговоры о кредитах МВФ, обсуждение Москвой и Лондонским клубом реструктуризации задолженности. По версии Тэлбота, позиция российского президента по ускорению достижения результатов переговоров объяснялась совсем другими причинами: “Поскольку воздушные удары не ослабевали, а Милошевич и не собирался уступать, перед Ельциным маячила неприятная перспектива: менее чем через шесть недель, 18 июня, ему предстояло встретиться лицом к лицу с Клинтонем, Шираком, Шредером и Блэром в Кёльне, на очередном саммите “Большой восьмерки”. Если к тому времени война будет продолжаться, у Ельцина почти не останется выбора – лишь бойкотировать встречу или устроить там скандал в духе будапештского. Ни один вариант его не устраивал”⁵¹. Ельцину не хотелось выглядеть в Кёльне “лишним человеком”, он желал приехать туда миротворцем, равным. А это означало, что мир следует сотворить и как можно скорее.

В Министерстве обороны РФ велась очень интенсивная подготовка к предстоящим трехсторонним переговорам в Бонне. Военные самостоятельно согласовали позиции с югославским руководством, провели совещание с представителями МИДа, в частности с первым заместителем министра иностранных дел А.А. Авдеевым, руководителями департаментов, взвесили позиции югославской стороны и НАТО. И что очень важно, они подготовили проект директивы Ельцина, в котором были сформулированы цели предстоящих переговоров: немедленное прекращение бомбардировок, сохранение целостности СРЮ, возвращение беженцев, восстановление переговорного процесса и его перевод в русло политического урегулирования. В решении всех этих задач предусматривалась активная роль России. Такая серьезная подготовка давала военным немалые надежды на упрочение российских позиций. Российские военные стремились перевести мирную операцию в Косове под эгиду ООН, предлагали разместить на территории края войска нейтральных государств или стран – членов НАТО, которые не участвовали в агрессии против Югославии. При этом Ивашов был

⁵⁰ Черномырдин В.С. Указ. соч., с. 197.

⁵¹ Тэлботт С. Указ. соч., с. 375.

готов частично уступками, частично хитростью добиться для Сербии наиболее благоприятного решения.

Одна из самых важных встреч всего переговорного процесса происходила в Бонне 1 – 2 июня (Черномырдин, Ахтисаари, Тэлботт). В каждой делегации были военные. От Минобороны РФ по настоянию маршала И.Д. Сергеева в состав делегации были включены генералы Л.Г. Ивашов и В.М. Заварзин, российский представитель в Совете “Россия–НАТО”. МИД же откомандировал лишь одного дипломата, В.Е. Ивановского, причем отнюдь не симпатизировавшего сербам. Стороны должны были согласовать документ и предложить его Милошевичу как окончательный.

Предварительно российским военным удалось выработать договоренность с американскими коллегами – генералами Д. Фогльсонгом и Дж. Кэйси, специально прилетавшими в Москву, – по очень важным вопросам: часть югославских вооруженных сил и сил безопасности останутся на территории Косова; натовские войска, которые будут участвовать в миротворческой операции, расположатся на косовской территории вдоль македонской и албанской границ в полосе не глубже 50 км; сербские пограничники вместе с натовскими военнослужащими должны контролировать возвращение беженцев, чтобы предотвратить проникновение в Косово боевиков; России выделяется особый сектор в послевоенной миротворческой миссии. Черномырдин воспринял этот план положительно, поэтому все считали, что никаких разногласий в российской делегации не будет.

В начале переговоров стороны обозначили позиции, согласившись, что общей целью являются политическое урегулирование и прекращение бомбовых ударов. Но больше согласия среди участников не наблюдалось. Тэлботт был крайне недоволен русскими предложениями и настаивал на принятии американских: вся операция проходит под единым командованием НАТО, российские миротворцы подчиняются непосредственно американскому офицеру. Такой расклад американцы называли “дэй-тонскими правилами” или “боснийской моделью” и удивлялись, почему русские не хотят применить ее в Косове⁵². Переговоры шли трудно. А к вечеру началось кулуарное общение Тэлботта и Ахтисаари с Черномырдиным. Без военных.

Утром в позиции Черномырдина произошли резкие изменения. На пленарном заседании, к удивлению российских генералов, он принял решение вернуться к первоначальному американскому варианту. Черномырдин в своей книге не пишет о разногласиях в российской делегации, даже не упоминает о резкой “сдаче” позиции, просто жалуется, что вдруг почувствовал, какой груз ответственности лежит на нем, и поэтому решил, что к миру надо идти любым путем⁵³. Ивашову же он резко ответил: “Я – глава делегации, и я принимаю решения. Сейчас будем слушать американский документ”⁵⁴. Для генерала Ивашова все более явственным становился отход специального представителя Президента РФ даже от ранее достигнутых с американской и финской делегациями договоренностей, не говоря уже о дальнейшем последовательном продвижении к итоговому документу, в котором были бы отражены и интересы России, и интересы Югославии. Тревожило и то, что Черномырдин стал явно избегать военных.

Тэлботт зачитывал фактически первоначальный текст натовского ультиматума Югославии, и Черномырдин со всем соглашался без обсуждения. Когда Тэлботт дошел до конца текста, Черномырдин заявил: “Уважаемый президент Ахтисаари, уважаемый Струоб Тэлботт, российская делегация согласна с представленным вами документом”⁵⁵.

В результате в Соглашение вошли такие пункты, как немедленное прекращение “насилия и репрессий” в Косове; вывод оттуда всех военных и полицейских подразделений Югославии; признание права НАТО составлять значительную часть сил

⁵² Там же, с. 383.

⁵³ Черномырдин В.С. Указ. соч., с. 213.

⁵⁴ Ивашов Л.Г. Указ. соч., с. 99.

⁵⁵ Кремлевские интриги вокруг Косова.

безопасности в Косове, находящихся под единой командой; назначение Советом Безопасности ООН временной администрации края для обеспечения руководства на переходный период; возврат в Косово ограниченного числа сербских военных для установления связей с международными силами безопасности, разметки минных полей, охраны сербских святынь и присутствия на основных пунктах пересечения границы; безопасное и свободное возвращение всех беженцев и перемещенных лиц; политический процесс, который должен обеспечить значительную автономию для Косова, суверенитет и территориальную целостность СРЮ и других государств региона; разоружение Армии освобождения Косово.

Черномырдин был очень доволен проделанной работой и собой. Однако полный вывод войск и полиции Югославии из Косова, как следовало из этого “добротного” документа, для сербов являлся катастрофой, поражением: Белград терял контроль над своей территорией и устранился от участия в стабилизации обстановки. Кроме того, ни слова не было сказано о прекращении бомбардировок.

Генерал Ивашов был категорически не согласен с Черномырдиным и заявил, что предложенный документ – это не равноправное соглашение, а ультиматум, поэтому военная часть делегации не будет участвовать в его подписании и покидает зал заседаний. Черномырдин бросил ему вдогонку: “Вашей подписи тут и не требуется!”⁵⁶ В аэропорт военные уехали раньше, не дожидаясь пресс-конференции, устроенной Черномырдиным и Тэлботтом. Специальный представитель Президента РФ уверял журналистов в “грандиозном успехе”⁵⁷.

Уже тогда военные оценивали происшедшее как предательство Черномырдиным российских национальных интересов, невыполнение указаний президента Ельцина. Ивашов вспоминал: “Таким образом, в результате предательства Черномырдина (иначе я это назвать не могу) был принят американский документ, и это тогда, когда Россия играла главную роль на переговорах, и все надеялись на ее силу и твердость!”⁵⁸ И далее следует размышление генерала о значении содеянного: “Сербы держались, потому что Москва была на их стороне. Складывался некий баланс. С одной стороны – НАТО, мощная военная машина, зашедшая в политический тупик. С другой стороны – Россия, Сербия и многие страны мира, включая Китай. На Россию весь мир смотрел с надеждой. А после того, что сделал Черномырдин, в каком положении оказалась наша страна? Мы в одночасье оказались никем, скатились на трети роли”⁵⁹.

Американцы были довольны результатами, и Тэлботт даже острит по этому поводу: “Жду не дожусь посмотреть, на что эти парни будут похожи, когда приказы им пойдут из НАТО, а не из Кремля”⁶⁰.

Решение о поддержке американского проекта Черномырдин принял единолично, без консультации не только с российской делегацией, но и с Москвой. Признаем, что надо было иметь серьезные причины, чтобы нарушить инструкции президента, поссориться с военными, рискнуть своей репутацией. Этот вопрос волновал и других членов делегации. Мы попытались разобраться. По словам генерала Ивашова, Черномырдин вел такую линию потому, что у него “была договоренность с Клинтонем, с Альбертом Гором, что они поддержат Черномырдина в его попытке стать президентом России, но для этого он во всем должен слушаться С. Тэлботта”⁶¹. О мечтах спецпредставителя, связанных с политическим Олимпом, “включая... и шансы Черномырдина заменить Ельцина”, Тэлботт писал еще в 1996 г.⁶² Эту версию подтверждают донесе-

⁵⁶ *Ивашов Л.Г.* Указ. соч., с. 101.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Кремлевские интриги вокруг Косова.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ *Тэлботт С.* Указ. соч., с. 385.

⁶¹ Запись беседы Е.Ю. Гуськовой с генерал-полковником Л.Г. Ивашовым 25 февраля 2004 г.

⁶² *Тэлботт С.* Указ. соч., с. 265.

ния сербской разведки: в мае 1999 г. “свои люди” из Сараева сообщали в Белград: “Всё указывает на то, что Югославия будет обманута. Черномырдину обещано, что если он хорошо сделает свое дело, то станет наследником Ельцина”⁶³.

2 июня делегация должна была вылететь из Бонна в Москву. Ивашов надеялся на то, что Черномырдина вразумит президент, инструкции которого были нарушены. Однако Черномырдин принял решение лететь сразу в Белград. Когда Ивашов сказал ему, что прежде он обязан вернуться в Москву, в ответ услышал: “Я вам ничего не обязан... Всё, летим в Белград”⁶⁴. Уже в Белграде Черномырдину передали телеграмму от Ельцина следующего содержания: “Строго соблюдайте мои указания. Добивайтесь немедленного прекращения бомбардировок”. Но и это не изменило планов специального представителя. Он цинично заявил: “А что? Мы вот и делаем, мы добиваемся прекращения бомбардировок”⁶⁵.

В самолете между Черномырдиным и Ивашовым произошла перепалка. Ивашов бросил в лицо Черномырдину: “А вы в историю войдете предателем!” Ивашов вспоминал, что Черномырдин «в драку не полез, лишь спросил: “А что же я такое предал?” Я ему заявил: “Вы предали интересы России, вы предали президента, нарушив его указания, вы предали наших братьев-сербов, вы даже предали принципы “Восьмерки”, за которые бился Игорь Иванов”».

Сербы очень болезненно отреагировали на результаты переговоров в Бонне. Сербские генералы буквально со слезами на глазах говорили Ивашову: “Мы ведь не проиграли, почему мы должны уходить и капитулировать?”. Если бы югославы пошли в южном направлении, натовцы до сих пор хоронили бы своих солдат, потому что сербы – отчаянные и мужественные воины”⁶⁶.

Черномырдин и Ахтисаари вместе со своими делегациями прилетели в Белград 2 июня около 17 часов. В 17:55 они уже здоровались с президентом Милошевичем. Всего на переговорах присутствовали, как вспоминал Ж. Йованович, около 20–25 человек. Разговор предстоял тяжелый. Следовало объяснить Милошевичу, почему содержание договоренностей коренным образом изменилось, а предложенный вариант похож скорее на акт капитуляции. Или не объяснять, а просто “надавить” на него, испугать, не оставить выбора и принудить подписать. Как пишет Тэлботт, Черномырдин был уверенным в себе, напористым и жестким. Американцы в этом раунде белградских переговоров участия не принимали, но впервые прилетел Ахтисаари. Он вел себя сдержанно, если не сказать пассивно, старался высказывать нейтральное мнение. Поэтому главная роль “пресса”, который должен был заставить Югославию капитулировать, взял на себя, как ни прискорбно, российский представитель. Это был ловкий ход американцев: русским всегда отказывать тяжело, ведь сербы им доверяют и надеются на их поддержку.

Черномырдин выбрал такую тактику – расхваливать итоговый документ, показывать его безальтернативность, жаловаться на трудности проделанной работы, а затем надавить и не оставить Милошевичу никакого выхода. Кроме того, Черномырдин рассчитывал на предварительную работу по давлению на Милошевича. Существует, например, версия, что Милошевич получил из США, от “старого друга” письмо, в котором тот перечислил все семейные счета президента за рубежом и намекнул на их скорый арест в случае непослушания. Швед Петер Кастенфелд по заданию русских спецслужб передал Милошевичу послание, где ему “советовали” принять предложение Черномырдина и Ахтисаари и объясняли, что Россия не может помочь Югославии, поэтому лучших предложений он не получит”⁶⁷.

⁶³ Борђевић Б.А. Указ. соч., с. 170.

⁶⁴ Ивашов Л.Г. Указ. соч., с.101.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Кремлевские интриги вокруг Косова.

⁶⁷ Ahtisari M. Op. cit., s. 103.

Виктор Степанович пишет, что Милошевич неожиданно быстро принял документ – едва прочитав его. Несколько раз он пробовал предложить “улучшения” по документу “Молота и Наковальни”, но Ахтисаари заявил: “Не поменяем ни одной запятой”.

Драматизм происшедшего смог передать в своих воспоминаниях только генерал Ивашов. Говорили мы об этом и с Йовановичем.

«Ахтисаари и Черномырдин, – рассказал он, – представили документ, который мы все сразу приняли как ультиматум”. Слово взял сам Йованович, увидевший в документе много неприемлемых положений с точки зрения основных принципов международного права и решивший сказать об этом. “Я высказал одно замечание, второе, а перед тем, как я собрался высказать третье, Ахтисаари перебил меня и обратился к С. Милошевичу со словами: “Господин Милошевич, не знаю, хорошо ли мы поняли друг друга. Мы вам привезли готовый документ, а не какой-то проект. Документ согласован, и мы только ожидаем, что вы выразите свое отношение к документу в целом, а не к его частям и не будете открывать дискуссию”. И вдруг засмеялся. Сербию трясет от бомбардировок, а Ахтисаари смеется: “Я и мой брат Черномырдин во всем согласились, и это наша общая позиция!”» Для пушей важности Черномырдин добавил, что «с содержанием знаком и Ельцин и что он фактически представляет интересы Ельцина. Действительно, помощи ждать было больше неоткуда. С. Милошевич спросил, могут ли они внести лингвистические поправки, чтобы сделать документ более ясным. Но и на это получил лаконичное “нет”»⁶⁸.

Когда же президент СРЮ попытался начать обсуждение документа, Черномырдин отрезал: «Никаких поправок! Вы должны сказать: да или нет. Если “да”, то для вас наступает мир, сохраняется целостность. Если “нет”, то будут продолжаться бомбардировки, – и он стал живописать тяжелейшие последствия»⁶⁹.

И не было никакого быстрого согласия, как об этом пишет Черномырдин. “Начались долгие препирательства... Югославское руководство, к его чести, устояло перед таким напором и заявило о том, что будет продолжать работать над документом, если потребуются, всю ночь. Черномырдин вынужден был согласиться с ночевкой во фронтовом Белграде. М. Ахтисаари, опасаясь бомбардировок, улетел в соседнюю Венгрию”⁷⁰.

Милошевич говорил российской делегации, что в условиях кардинального изменения российской позиции им очень трудно принять решение, ведь документ носит характер ультиматума. А как капитулировать, если ты являешься жертвой агрессии? Милошевич несколько раз спрашивал, что будет, если Югославия откажется подписывать этот капитулянтский договор. Просил дать совет, как поступить в таком случае. Черномырдин в ответ только запугивал: “Вас будут добивать, бомбить, вы навсегда потеряете Косово, и целостности никакой не будет”. Сербские военные спрашивали российских: “Вы нам поможете, если мы не подпишем ультиматум и начнем воевать с НАТО?” В ответ наши генералы опускали глаза и молча качали головами – нет.

Назавтра этот документ должна была рассмотреть скупщина. Это единственное, что позволили президенту Югославии. При этом обсуждение в парламенте Ахтисаари и Тэлботт расценили как попытку затянуть процесс принятия решения. Утром следующего дня встреча состоялась в 9 и длилась один час. Милошевич сообщил, что провел консультации со всеми политическими партиями и показал им документ, привезенный в Белград Черномырдиным и Ахтисаари. Он объявил, что сербы решили принять документ, поскольку остались одни, без какой-либо поддержки: “Принимаем предложение как предложение мира”⁷¹.

Момир Булатович, в то время премьер-министр Югославии, не участвовал в драматических переговорах 2 июня, но помнит, как встретил Милошевича вечером того дня.

⁶⁸ Запись разговора Е.Ю. Гуськовой с Живадином Йовановичем 24 марта 2004 г.

⁶⁹ *Ивашов Л.Г.* Указ. соч., с. 102.

⁷⁰ Там же, с. 103.

⁷¹ *Ahtisari M.* Op. cit., s. 179.

«Это была одна из наших самых драматичных встреч – с минимальным количеством слов и с огромными эмоциями, как и бывает при таком драматическом завершении. Милошевич объяснил одну из важных причин, заставивших его пойти на уступки: “Мы не смеем отклонить мирное предложение, за которым стоит президент России... Мы могли бы еще обороняться, но оборона не имеет смысла, когда нет надежды на чью-то решительную помощь. Если мы оттолкнем Россию, то утратим и эту слабую, но все-таки надежду. Россия будет обижена, нас провозгласят государством, которое не хочет мира, и нас уничтожат”»⁷².

По мнению Йовановича, “Черномырдин был орудием, которое носило русское имя, русские символы, но представляло американские интересы и интересы НАТО”⁷³. Однако слушать его пришлось. Югославия принимала решение в трудных условиях. 78 дней бомбежек истощили военные запасы, не хватало бензина, боеприпасов. Не забудем также и о том, что страна находилась под санкциями, ощущался недостаток иностранной валюты, граница строго контролировалась, везде чувствовалось американское давление.

Народная скупщина Республики Сербии 3 июня 1999 г. одобрила “документ по достижению мира, который доставили высшие представители Европейского Союза и России, Президент Финляндской Республики Мартти Ахтисаари и специальный представитель Президента Российской Федерации Бориса Ельцина Виктор Черномырдин”. Самого документа никто не видел. Но скупщина обосновала свое решение следующим образом:

1. Документ подтверждает суверенитет и территориальную целостность нашей страны;

2. Документ подтверждает роль Объединенных Наций;

3. Документ более всего является основой для мира⁷⁴.

Текст документа можно было увидеть только 7 июня, когда в Совет Безопасности обратился постоянный представитель Германии при ООН Дитер Каструп и от имени страны, председательствующей в Европейском союзе, довел до сведения Председателя СБ ООН текст соглашения о принципах для содействия урегулированию кризиса в Косове (план мирного урегулирования). С этого времени он зарегистрирован под номером S/1999/649.

Соглашение содержало в себе ряд крайне неблагоприятных для Югославии моментов. Во-первых, оно не обязывало НАТО прекратить военные действия. Сербию бомбили еще неделю, как бы желая показать, кто здесь победитель, и кто принимает решения. Во-вторых, в первом пункте Сербию фактически обвиняли за насилия и репрессии в Косове и требовали их прекращения, а действия НАТО приобретали законную силу. В-третьих, предполагался вывод из Косова всех югославских военных, полицейских и военизированных сил, да еще в ускоренном режиме. В-четвертых, Международные силы безопасности должны были быть развернуты под объединенным командованием НАТО, а значит, присутствие русских там не предусматривалось. Участие ООН обозначалось как чисто формальное. Из позитивных моментов документа можно отметить следующее: некоторому числу югославских и сербских военнослужащих было разрешено вернуться в Косово для выполнения определенных функций. Но это положение так никогда и не было выполнено, так же как не вернулись в Косово сербские беженцы и не была разоружена ОАК. Предполагаемое военно-техническое соглашение еще только предстояло разработать. Однако участниками стали только югославы и натовцы. Поэтому оно было жестким и не в интересах Белграда.

НАТО праздновала победу и продолжала наносить бомбовые удары по территории Югославии. Черномырдин не смог выполнить основного требования, которое было

⁷² Ibid., s. 334.

⁷³ Запись разговора Е.Ю.Гуськовой с Живадином Йовановичем 24 марта 2004 г.

⁷⁴ Постановление Народной Скупщины Республики Сербии. – Посольство Союзной Республики Югославии, г. Москва. Информационный бюллетень, № 88, 3.VI.1999.

определено президентом России: прекращение бомбовых ударов как условие начала переговоров. Европа прощалась с системой международного права. Россия делала вид, что смогла принести мир на территорию Югославии и пыталась вернуть ООН прежнюю роль в процессе урегулирования межнациональных конфликтов.

Последствия договора, который подписала Югославия под давлением Черномырдина, следующие:

1. Агрессия приобрела законную силу, так как не получила осуждения;
2. Югославию признали виновником кризиса в Косове;
3. НАТО и ее политика укрепили свои позиции, доказав эффективность ультиматумов и наказания.

Черномырдин был удовлетворен тем, что Милошевич не выставил никаких требований, подписал ультиматум, за который проголосовала и скупщина Югославии. Но могла ли быть удовлетворена Россия, которая в итоговом документе не смогла отразить ни одно из своих ранее выставлявшихся требований? Российский посол в ООН С.В. Лавров начал обсуждать детали предстоявшей резолюции Совета Безопасности, пытаясь внести в нее изменения. 7 июня Клинтон позвонил Ельцину и пожаловался на то, что тактика Лаврова в ООН “затрудняет отмену бомбардировок”⁷⁵. Ельцин хотел скорее закончить войну, поэтому Россия в ООН по всем вопросам быстро “примкнула” к США.

10 июня Совет Безопасности проголосовал за резолюцию 1244⁷⁶. Он подтвердил свою приверженность суверенитету и территориальной целостности Союзной Республики Югославии, необходимость создания реального самоуправления для Косова. Резолюция потребовала, чтобы СРЮ немедленно прекратила насилие и репрессии в Косове, начала вывод войск по ускоренному графику. Параллельно в Косове начали развертываться международное гражданское присутствие и присутствие по безопасности с необходимым персоналом и снаряжением. Резолюция требовала, чтобы “ОАК и другие вооруженные группы косовских албанцев немедленно прекратили все наступательные действия и выполнили требования в отношении демилитаризации, устанавливаемые руководителем международного присутствия по безопасности”, и предполагала “демилитаризацию Освободительной армии Косова (ОАК) и других вооруженных групп косовских албанцев”⁷⁷. Намечалось, что в крае будет создана временная администрация как часть “международного гражданского присутствия, под управлением которой население Косова сможет иметь существенную автономию в рамках Союзной Республики Югославии”⁷⁸. Рамки переходного периода никто не определил.

Резолюция Совета Безопасности 1244 стала показателем деградации некогда сильной международной организации – ООН. Главным ее недостатком являлось то, что она легализовала (оправдала) действия Альянса, осудив лишь Союзную Республику Югославию за “насилие и репрессии в Косове”. Правда, американцам тоже пришлось отступить от ряда требований, которые они выставляли в Рамбуйе. Так, документ не упоминает независимость Косова и референдум о его статусе через три года, подтверждает автономию края в рамках Югославии. После принятия резолюции процесс, связанный с положением Косова, полностью переходил под юрисдикцию ООН и СБ, а не рассматривался группой лиц.

Резолюция была важна для сербов и русских, натовцы же вообще не обращали на нее внимания. В ней говорилось о “международном присутствии” под эгидой ООН, а НАТО начала осуществлять свой ранее разработанный план наземной операции. Резолюция предполагала лишь “участие Организации Североатлантического договора” под “объединенным командованием”, а генералы разбили весь край на сектора для своих войск и не оставили места для других стран – не членов НАТО. Ничто не напо-

⁷⁵ Тэлботт С. Указ. соч., с. 390.

⁷⁶ Документ ООН S/RES/1244 (1999).

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же.

минало миротворчество. Вместо “голубых беретов” – стальные каски, вместо легкого оружия – танки, самолеты, вертолеты, ракеты. Вместо разоружения ОАК – контроль албанцами всей территории. Возвращение в край Освободительной армии Косова, последовавшее с молчаливого согласия Альянса, вызвал поток сербских беженцев, численность которых уже в середине июня достигла 80 тыс. Боевики, не желавшие разоружаться, начали преследование сербов, вновь напомнив о своей главной цели – создании этнически чистого Косова и отделении от Югославии. Резолюцию 1244 вспоминали всё реже, а нарушали всё чаще.

Учитывая желание США исключить из переговорного процесса ООН, следует признать большую заслугу российской дипломатии в принятии этой резолюции. Начавшись как акт агрессии НАТО, война закончилась вполне правомерным документом Совета Безопасности, актуальным до сегодняшнего дня. Опираясь на него, Белград и сейчас не идет на признание независимости Косова.